Главный редактор, верстка: священник Александр Мороков, +79167077383
Сайт храма: WWW.SPORITEL.RU
WWW.INSTAGRAM.COM/SPORITELNITSA_HLEBOV
Телефон храма: +79152879395

ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК

ХРАМ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ СПОРИТЕЛЬНИЦА ХЛЕБОВ ГОРОД ЩЕЛКОВО

№ 467

27 октября 2019 г.

АПОСТОЛ ДНЯ

Нигде в Писании глагол «хвалиться» не встречается так часто, как во Втором послании к Коринфянам. О том, что человек выглядит смешно, когда он хвалится своими несуществующими достоинствами, люди знали всегда. Однако древний мир не считал смешным и безумным, когда человек хвалился своими действительными достоинствами. Сильный хвалился своей силой, богатый – своим богатством, родовитый – своим происхождением, праведные фарисеи – своей праведностью. Правители и полководцы, богачи и спортсмены, художники и философы, – все раздувались от гордости. И народ благоговейно или с завистью соглашался с такой похвальбой. Такова была традиция – хвалиться. Ведь это были люди, «не имеющие надежды» (1 Фесс 4,13). В самом деле: перед лицом неизбежной смерти – что еще оставалось человеку, как не добиваться хотя бы какой-то отрады и славы в этом мире? Разумеется, даже язычники время от времени сознавали как безумие похвальбу смертного на виду у сонма бессмертных богов, считая ее пороком и дерзостью. Тем более, похвальба человека осуждалась мудрецами Ветхого Завета. Но окончательно и бесповоротно осуждена всякая человеческая похвальба в писаниях Нового Завета. Осуждена не только как принципиальное недомыслие твари перед лицом Творца, ибо «что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?» (1 Кор 4,7). Похвальба осуждена также как отрицание благодати искупления, отрицание Христа и Его крестного подвига. «Где же то, чем бы хвалиться? Уничтожено!» (Рим 3,27). Чем уничтожено? Немощью Креста, которым явилась спасительная сила Божия. Это непостижимо. Но именно в этом – центр богословия Апостола Павла, в откровении истинной Премудрости Божией, перед которой всякая «мудрость мира сего есть безумие» (1 Кор 3,19).

В своей речи, которая исполнена горькой иронии, Апостол надевает на себя маску хвалящегося безумца. Его недоброжелатели подрывали его апостольский авторитет, выставляя его как человека слабого, не способного к активным действиям и, более того, – как «невежду в слове» (2 Кор 10,10; 11,6). Поэтому он вынужден хвалиться. Он спускается на уровень своих противников, чтобы бороться с ними их собственным оружием, не ради самозащиты, но ради того, чтобы отстоять Евангелие. «Примите меня, хотя как неразумного, чтобы и мне сколько-нибудь похвалиться» (11,16).

Но чем же хвалится Апостол? Тем, о чем в окружающем его обществе избегали говорить, чтобы не уронить своего достоинства. Он хвалится невзгодами и трудностями: тем, что он сидел в тюрьме, тем, что его били палками и камнями, тем, что он голодал и холодал…. Он хвалится таким эпизодом из своей жизни, который в глазах современников должен был выглядеть унизительным. Павел, Апостол, сидит в какой-то корзине, которую спускают со стены, потому что он тайком бежит от опасности, подстерегающей его в Дамаске.

Тщеславию и самовосхвалению премудрости человеческой Апостол противопоставляет явление Премудрости Божией, Христа распятого – иудеям соблазн, эллинам безумие (1 Кор 1,23). Через Крест, через видимое торжество немощи, смерти и безнадежности – является безмерная сила Божия, победа жизни, откровение смысла и надежды. Слава человеческая – преходящая, венец этой славы – тленный. Слава Христа распятого и воскресшего – непреходящая, и венец этой славы – нетленный (1 Кор 9,25). Смысл Креста – в любви Божией, которая являет себя в жертвенной немощи. Конец такой немощи – Крест и смерть человеческая. Начало же немощи Христовой – Божественная любовь, вечная жизнь и воскресение человеческое. Именно это и стремился воплощать Апостол Павел в своей жизни и в своем Евангелии.

Оппоненты Апостола «хвалились по плоти» (2 Кор 11,18). Хвалились они и своими экстатическими переживаниями, которые они предъявляли как очевидные доказательства их духовного авторитета. Лишь против своей воли Апостол сообщает о своем опыте такого рода, о «видениях и откровениях» (12,1). Но, чтобы отвести внимание от собственной персоны, он говорит об этом нехотя, как о чем-то, что произошло с другим, знакомым ему человеком. Он не живописует свое «восхищение», как это делали его противники. Как все это происходило, – «в теле,…вне тела»? Знание таких таинственных вещей он предоставляет Богу. Не может он пересказать и услышанное на «третьем небе». То есть, его экстатический опыт в противоположность тому, к чему он призван как апостол, – не предназначен для публики, для проповеди и тем более для похвальбы. Слова Апостола Павла нас предупреждают, что о чрезвычайных религиозных переживаниях следует судить со сдержанной осторожностью. Их не всегда дозволено делать ни масштабом духовности людей, ни источником благовестия или проповеди. Увы, реальность церковной жизни показывает, что слова Апостола Павла, направленные против жадных до сенсаций христиан его времени, и сегодня, спустя две тысячи лет, весьма актуальны.

Нет, своими «восхищениями» Павел хвалиться не хочет. Он желает, чтобы о нем судили по его жизни в причастности к немощи Христовой. Ему поручено быть апостолом, и свидетельство этого нужно искать не в его экстатических способностях, а в результатах его деятельности при всех тех немощах, которые видны и открыты всем. К перечню своих немощей он добавляет печальный опыт изнурительной болезни. Он пишет об острой боли, которая постоянно мучила его как застрявшая в теле заноза, или «жало» в Синодальном переводе. Мы можем лишь гадать, какая болезнь доставляла Апостолу столь жестокие страдания, что он трижды молил Господа избавить его от этого «ангела сатаны», – как он образно называет свою болезнь. Молитва его была услышана. И он получил ответ. Но не такой, какой по-человечески, скорее всего, ожидал. Господь не избавил Павла от боли, но дал ему силы жить с нею, преодолевая её. «Довольно для тебя благодати Моей», – таков был Божественный ответ. Означает ли это, что боль, страдание есть нечто положительное? Разумеется, это не так. Всякое страдание есть зло, неизбежное в этом мире. Человеку свойственно стремиться избавиться от боли и страдания. Так и Апостол в одном случае бежал от опасности, спускаясь по стене в корзине, в другом случае, не имея возможности обычными медицинскими средствами избавиться от боли, обращался с молитвой к Господу. В этом пример и для нас. Но, как и Христос, каждый молящийся должен предоставить исполнение его молитвы Богу: «Авва Отче! Все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты» (Мк 14,36).

«Сила Моя совершается в немощи». Эти слова Господа несут в себе великий евангельский смысл. Они побуждают нас не избегать Креста, если мы, как Симон Киринеянин, призваны к со-несению Креста и, при известных обстоятельствах, даже к со-страданию на Кресте, ибо только так мы обретаем и со-воскресение с Господом. Эти слова Господа стали для Апостола Павла законом его жизни во Христе. Они обращены и ко всем нам, чтобы мы приняли их в наше сердце как великое обетование Божие. Ибо в Господе никакие «ангелы сатаны», никакие немощи, боли и страдания не могут «отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим 8,39).

Архимандрит Иоаннуарий (Ивлиев)

«Мы не знали, где стояли, – на небе, или на земле»

Церковный староста села Домшина В. Н. Зайцев просил преосвященного Израиля, во время обозрения церквей Вологодского уезда, отслужить обедню в их Домшинской церкви. Преосвященный сказал ему, что эта просьба удобоисполнима. Староста рассчитывал, что архиерейская служба в селе, приход и окрестности которого изобилуют раскольниками, не будет без благотворного воздействия на религиозное состояние народа. И мне преосвященный велел приехать в Домшино ко дню его служения там, которое назначено было на 8-е июля, чтобы за обедней сказать проповедь.

8-е июля пришлось в воскресенье, – значит были два праздника. Накануне была отслужена всенощная. Народу, не смотря на необычность этой службы для сельской церкви, собралось не очень много, потому что на лугах кипела работа (стояла же прекрасная погода). Гораздо больше собралось народу к обедне в самый день архиерейского служения.

Я воспользовался этим стечением народа, и, до встречи владыки, минут 20 беседовал с собравшимися, объясняя им, что Божественная литургия одинакова, служится ли на семи просфорах, или на пяти, т. е. старался оправдать церковь против обвинения ее старообрядцами в неправославии из-за перемены ею семипросфория на пятипросфорие.

Служили с преосвященным восемь священников и шесть диаконов. Я был очень рад, что в Домшине владыка устроил такое торжественное служение. В обычное время, приняв благословение, я вышел говорить проповедь, – и это впервые за архиерейской службой, при таком многолюдстве. Приблизительно вот что говорил я:

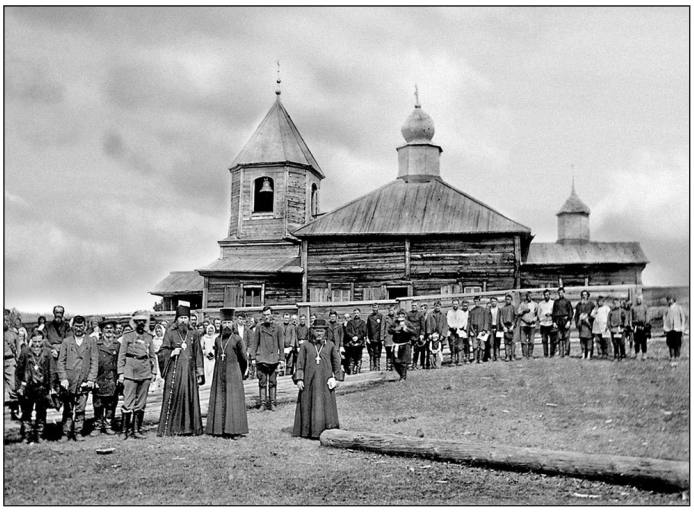
«Когда послы великого князя Владимира пришли в Царьград для осмотра греческой веры, то их повели там в соборный храм, где патриарх служил обедню. Нашим послам (они были тогда еще язычниками) так понравилась эта служба, что после, когда возвратились они ко Владимиру, говорили об ней: «Мы не знали, где стояли, – на небе, или на земле». Так хороша показалась им православная архиерейская служба!

«Здесь – не соборный столичный храм; этот деревянный храм, ничем, кроме иконостаса, не украшенный, нельзя и сравнивать с Софийским собором, где стояли службу Владимировы послы, и служба там была, разумеется, несравненно торжественнее, чем здесь; но все же, как великолепна и благолепна эта служба, которая идет сейчас в этом бедном сельском храме! И как вообще хороша архиерейская служба! Царские двери, кроме вот этого времени, когда священнодействующие причащаются, всю-то службу остаются отверстыми и всему народу виден алтарь – наше земное небо, видны все действия священнослужителей: их коленопреклонения, воздеяния рук, благословения, перенесение святых даров с жертвенника на престол, их поставление здесь, каждение, благословение хлеба и вина, после чего хлеб уже не хлеб, а тело Христово, и вино уже не вино, а животворящая кровь Христова! Отрадно видеть, как все священники, после слов протодиакона: «возлюбим друг друга», подходят к архиерею дать лобзание мира и любви, и потом все лобзаются друг с другом в знак той же любви, которую иметь между собою заповедал нам Христос. Особенно трогательна та минута, когда архиерей выходит из царских врат на амвон, во время пения: «Святый Боже». В одной руке у него крест, в другой – двусвещник, и крестообразно осеняя ими народ, он молится: призри с небесе, Боже, и посети виноград сей, и утверди этот виноград, который насадила десница Твоя! Виноград, сад виноградный, – это церковь; насажденный Божией десницей, растет и цветет этот виноградный сад, этот рай земной – церковь Божия. Все мы, и я, и ты, деревца в этом саду. Крещением нас посадили, как деревцо, в этом саду; миропомазанием – привили, дали нашей душе благодатные силы, чтобы мы могли жить по нашей вере; затем Христос, господин и хозяин этого сада, ждет от нас плодов, дел добрых... Священники – это работники Божии, садовники в его саду: их руками сам Бог тебя посадил в своем винограднике – в церкви. Потому-то архиерей и молится: «Посети виноград сей, его же насади десница Твоя», Господи! Да, очень трогательна эта минута благословения и эта молитва архиерейская! И вся вообще архиерейская служба как торжественна и хороша! Не правда ли? – ведь хороша»?

– Хороша! – дружно, в один раз, послышалось несколько голосов из народа.

«Хороша и торжественна наша православная, особенно архиерейская служба, – продолжал я, – и вам нужно радоваться, что владыка соизволил ныне служить литургию в вашем храме. Теперь подумайте: возможно ли что-либо подобное у беспоповцев, которых здесь и в окружности так много? Напрасно пошли бы мы и в Середнее и в Дьяконицу, если бы вздумали посмотреть там такого величия. И если бы послы великого князя Владимира пришли, – я говорю примерно, – в моленную к нашим беспоповцам, навряд ли бы они сказали, возвратившись к Владимиру: «Не знаем, где были, на земле, или на небе»! Не такова там служба, чтобы можно было приходить в умиление. Я в беспоповских моленных бывал, бывал даже на Святой неделе, в самое праздничное, в самое радостное время; но – Боже мой! – что там за грустная служба! Напев в роде похоронного, и слова не по-русски выговаривают (Христэ, тебэ...). Вместо священника, облаченного в церковные светлые ризы, я видел там мужика, по-мужицки остриженного и по-мужицки же одетого. Но бывает и еще неприличнее, еще незаконнее, – в иных моленных даже настоятельствуют женщины... Где есть такое узаконение? – нигде! Это выдумка староверов, чтобы за службой настоятельствовали мужики и бабы вместо священников. И как же совершают божественную службу эти беспоповские настоятели? Никаких прошений (эктений), никаких молений о мире всего мира, о царствующих градех, о царе и всех православных христианах, никто у них не говорит. Я ни разу не слышал, чтобы там возглашали: Благословенно царство Отца, и Сына, и Святого Духа... Не слыхал и этих слов: Слава Святей, единосущней, животворящей и нераздельней Троице... Даже и этих слов: Благословен Бог наш никогда у них не слыхал. И выходит, что даже первого шага по уставу они, великие уставщики и законники, не могут и не умеют ступить. Стоит посмотреть, как они, например, крестят. Благословения воды и младенца не бывает, молитв больше половины не читают; вокруг купели не ходят, миром святым не помазуют... Да и не перечислить всех убавлений, какие допустили у себя беспоповцы против устава свв. отец. Однако же, по удивительной слепоте, они не замечают всей скудости своего богослужения, всей незаконности своей в совершении таинств... Они, прежде чем обратиться на себя, указывают пальцами на нас и кричат, что будто бы у нас все не так, как бы должно быть.

«Не смысля, в чем дело, они укоряют нас, как мы смели оставить две проскомидийных просфоры. Я говорил вам перед обедней, что литургия совершается не на семи и не на пяти, но на одной просфоре, потому что, – пишет Апостол, – «вси мы от единого хлеба причащаемся»; хлеб этот – Христово тело; тело же у Христа одно, и потому на таинство причащения идет одна просфора, – ни больше, ни меньше. Значит вся сущность, вся сила в этой таинственной просфоре. Число же остальных просфор определяется в разных уставах различно: есть и шесть, и четыре, и даже две. Но, положим, что мы две просфоры убавили: было семь, две убавили, осталось пять. Тут дело ясное; а пусть староверы растолкуют нам, как это случилось, что они, по их словам, ничего не прибавили, ничего не убавили в чинах и уставах, и, однако не осталось у них не только пяти, как у нас, но даже и одной просфоры. Было семь; ни одной не прибавили, ни одной не убавили: куда же девались эти семь? почему ни одной не осталось? или и в старину ни одной просфоры не было, как сейчас у них? Но еще горшая беда их не в том, что они лишились семи просфор. В Евангелии Господь говорит о некоторых людях, что они пожирают верблюдов, а комаров отцеживают. Беспоповцы походят на этих людей. Отцеживая комаров, толкуя о том, что невозможно убавить ни единой от семи просфор, они лишились даже тела и крови Христовой. Толкуя о том, что в богослужении нужно хранить все в том виде, как было при патриархе Иосифе, и считая нас преступниками даже за то, что мы аллилуйя лишний раз против них поем, они, несчастные, не заметили, что у самих нет и Божественной литургии! Есть у них другие службы, но нет литургии. А это все равно, что есть руки и ноги, а нет головы. Литургия есть самая главная церковная служба. Она всем службам служба. Вечерня, утреня, часы и все прочие службы только приготовление к обедне, как бы лестница, по которой мы восходим в Сионскую горницу, где совершается тайная вечеря. Именно «тайная вечеря»: приступая к причащению, я и ты, и всякий православный говорит: «Вечери твоея тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими»... Все одна и та же тайная вечеря, – и тогда, когда Господь, накануне своей смерти, в великий четверг, впервые причастил Сам своих Апостолов, и теперь, – тогда она



только началась, а теперь продолжается. И теперь, когда мы причащаемся, Сам же Господь, только уже невидимо, рукою своего служителя – священника, причащает нас. И Он удостоивает нас вкушать именно Его тело и кровь, которые на первой тайной вечери преподал Апостолам. Нет разности между той «тайною вечерию» и этой нашей «обедней», потому что Христос «вчера и днесь той же и во веки». Он не меняется. Обедня – Его тайная вечеря, а мы, священники, только Его служители, строители Его тайн, как Апостол говорит о нас. Я знаю: есть несчастные люди, которые не идут на эту вечерю, на эту трапезу Христову, потому, что мы, слуги и рабы Христовы, плохи... Но разве Христос изменился от того, что я плох? Разве можно уходить с царского обеда из-за того, что тебе не нравится царский слуга, разносящий угощения?! А староверы уходят с трапезы Царя небесного и говорят, что из-за дурных священников не будут принимать ни тела, ни крови Христовой!

«Своей же обедни, вечери тайной, нет у них. И не будет до тех пор, пока они будут оставаться в своем беспоповстве. У них нет священства, а без священства они то же, что стадо без пастыря, – оно разобьется на отдельные кучки, разбредется все врозь, и легко волку унести овцу из такого стада. Не видно ли вам, как наши староверы раздробились на множество вер? как они, забывши настоящий «двор овчий», т. е. истинную православную церковь, понаделали себе чуть ли не в каждом доме по нескольку отдельных церквей? – и жена не одной веры с мужем, и сестра не одной веры с братом, и невестка не одной веры со свекровью, – все разных вер, вместе друг с другом не молятся, даже не едят из одной чашки... Есть в правилах святых соборов такое грозное слово; если какие люди, помимо церкви, сами по себе начнут собираться и, не хотя знать церкви, захотят церковные дела творить, а нет с ними священника, покорного и послушного воле епископа, таковые да будут под клятвою! Не сбывается ли на беспоповцах этот приговор и не видно ли в судьбе их Божия над ними суда? Они раздробились на множество «старых» вер, одна другую проклинающих и одна другой враждебных. Это ли православная вера? Нет, не такова она, старая действительно, Христова вера. Она требует: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы Отца, и Сына, и Святого Духа, Троицу единосущную и нераздельную». Вот наша вера: единомыслие, а не разногласие, единоверие, а не разноверие. Они говорят, будто на «Горе» другая вера, чем здесь, в селе. Неправду они говорят, не понимая в чем дело. Пусть они подумают: если бы действительно единоверцы не были с нами одной веры, пригласил ли бы наш архиерей единоверческого священника, о. Максима, служить с собой обедню? Но мы все видим, что о. Максим наравне со всеми другими священниками служит сейчас литургию с нашим архиереем. И в это время архиерей причащает его из своих рук, как и всех других священников и диаконов, – подобно тому, как на первой тайной вечери, за первой литургией, Великий Архиерей Господь наш Иисус Христос причастил первых священников нашей веры – Апостолов. И тем еще хороша архиерейская служба, что в ней очень ясно виден весь строй и порядок церковной жизни: здесь архиерей, – по образу Великого Архиерея Христа Спасителя; с ним священники и диаконы, от него принявшие рукоположение на строение тайн; за ними народ, стадо Христовых овец, которых они, пастыри, учат евангельскому учению, для которых совершают святую службу и которым преподают благодатные силы в таинствах.

«Такой чин и порядок свято блюдется в Христовой церкви от самых апостольских времен. И он подробно описан во всех старопечатных книгах. Наши староверы не сохранили его, и старые книги осуждают их. Церковь, описанная в этих книгах, есть та самая, которая была до лет Никона патриарха, ныне пребывает и всегда пребудет, потому что Сам Христос хранит ее, и нет такой силы, которая бы могла одолеть ее. Он сам сказал: созижду церковь Мою, и врата адова не одолеют ей. Неизменно и твердо слово Господа. Небо и земля мимо идут, а слово Его не идет мимо. И мы веруем Христу, Богу нашему, что есть Его церковь и до скончания века пребудет во всем богатстве и красоте, которыми удобрил ее, невесту свою, небесный жених, – со всеми дарами Его благодати: и с причащением святых тайн, и с разрешением грехов в покаянии, и с браком, и с соборованием, и с священством – со всем тем, чего нет у наших несчастных беспоповцев, но что есть и должно быть у православных христиан, составляющих собою святую соборную и апостольскую церковь».

Я не буквально так говорил, как сейчас написал. Говорил я без тетрадки, наизусть, и очень долго, – около получаса. Теперь я воспроизвел только главные мысли тогдашней проповеди. В ней были и отступления, иногда неожиданные даже для меня, в роде следующего.

Когда я говорил о том, что священники учат народ православной вере, слышу голос: «Плохо учат! в городах постами почти сплошь мясо едят, а священники видят и молчат»! Говорил это мой знакомый Онисим кузнец, старовер. Я ответил: «Священники проповедуют пост и воздержание, и нигде я не слыхал, чтобы священники учили презирать пост. А если не все из нас смело обличают нарушающих посты, то ты должен знать, что не все мы Златоусты. Много священников и епископов было при Златоусте, но не все же они обличали нечестивую царицу. А если ты не слыхал, чтобы какой-нибудь священник обличал нарушающих церковный устав о постах, так послушай меня – священника». И я стал говорить против раззоряющих пост, что они являются вдвойне виновными: и против своей совести, и против совести этих Онисимов и Иванов, которые за их слабость осуждают всю нашу церковь.

После обедни я искал Онисима, – хотел сказать ему, что чужими грехами он не оправдается. Грехи, подобные тем, какие указывает он за членами нашей церкви, бывали всегда, и даже этот самый грех нарушения постов бывал у нас и в старину, до Никона патриарха.

Такие неожиданные отступления всегда возможны, когда слушатели внимательны к тому, что им говорят, и я люблю эти их вопросы во время проповеди. Значит, не дремлет человек, значит, слушает и проповедь шевелит его мысли и, вероятно, чувства...

В тот же день я часа два-три беседовал на улице возле дома церковного старосты. Слушателей была большая толпа. Вопросы задавал преимущественно один старенький, седенький старичок. В его вопросах собственно ничего интересного не было: все обычные речи, вызванный беспоповщинскими толками об антихристе, его печати, и о прекращении на земле церкви Божией; кажется, не было ни одного предмета, о котором бы не имел недоумений и сомнений этот старичок. И вдруг ему говорит один из слушателей, не мужик: «Перестань, старичок, спрашивать; успокойся и веруй, как дитя малое верует своему родителю».

Положим, говорится: «что старый, что малый – все равно»; но я был очень удивлен этим советом старику – веровать, как дитя. У человека под влиянием соседства и бесед с беспоповцами поколеблено все, во что он веровал, обо всем он сомневается; а ему говорят: успокойся! Он желает успокоиться, ему вопросы покоя не дают, они гонят его, старика старого, из деревни в село на беседу; он ищет разъяснения своих недоумений, чтобы успокоиться, а ему советуют, чтобы он, еще не решив сомнений, стал спокойным, как дитя! В Евангелии, правда, есть слово: аще не обратитеся, и не будете, яко дети, не внидете в царство небесное. Но кому же не известно, что дети поставлены здесь не в пример легковерия, или мало ведения, а в пример незлобия и чистосердечия? И Апостол наставляет: «не бывайте умом младенцы; злобою бывайте младенцы».

Прощаясь с народом, я получил приглашение приезжать в Домшино к Ильину дню на праздник, когда народ свободен от работы.

Из книги:"Записки миссионера Вологодской епархии" (1891). И.В. Полянский.

Расписание богослужений с 28 октября по 3 ноября 2019 г.		
28 октября Понедельник	**ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «СПОРИТЕЛЬНИЦА ХЛЕБОВ»**	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия */все священнослужители/*
29 октября Вторник	**Мч. Ло́нгина со́тника, иже при Кресте́ Госпо́дни**	8:30 Утреня. Часы. Исповедь. Литургия */иерей Александр/*
30 октября Среда	**Прор. Оси́и**	8:30 Утреня. Часы. Исповедь. Литургия */иерей Александр/*
31 октября Четверг	**АПО́СТОЛА И ЕВАНГЕЛИ́СТА ЛУКИ**	8:30 Утреня (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия */иерей Андрей/*
1 ноября Пятница	**Прор. Ио́иля. Мч. Уа́ра и с ним семи учителей христианских**	8:30 Утреня. Часы. Исповедь. Литургия */иерей Андрей/* 17:00 Вечерня. Утреня. 1 час */иерей Андрей/*
2 ноября Суббота	**ДИМИТРИЕВСКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА**	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия. Панихида */все священнослужители/* 17:00 Всенощное бдение */все священнослужители/*
3 ноября Воскресенье	**НЕДЕЛЯ 20-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ** Прп. Илари́она Великого	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия */все священнослужители/* 17:00 Всенощное бдение */иерей Александр/*

КАЮЩИЙСЯ ГРЕШНИК

Господь так возлюбил человечество, что, не желая смерти грешников, предал за них на крестную смерть Своего Единородного Сына. А потому гибель души, искупленной Божественной Кровию Христа, есть беспредельная скорбь для всех небожителей.

Сам Сын Божий высказал нам, какая бывает радость на небесах об одном грешнике кающемся (Лк. 15:7). Следовательно, искупленная Христом душа человеческая в очах Божиих драгоценнее всего мира, и благодать Божия непрестанно борется за людей и побуждает грешников к покаянию и примирению с Создателем.

Какая теперь радость на небе! Отец Небесный со святыми ангелами радуется о кающихся грешниках! Иисус Христос сказал, что бывает радость у ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся (Лк. 15:10).

Все вы, как дети Отца Небесного, пришли в дом Божий и Отчий, чтобы испросить себе прощение. Если вы плачете, вам страшно, больно и стыдно, тем лучше, ибо радость у ангелов Божиих полнее и совершеннее. Если вы смущены холодностью сердца вашего, неимением духа покаяния, недостатком слез или неуверенностью, что ваше сокрушение и покаяние истинное и будет спасительное, то не отчаивайтесь, будьте только искренними детьми своего Отца Небесного. Смущение есть уже недовольство собой, а детская робость – признак смирения.

КРЕСТОНОШЕНИЕ

Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отверг- нись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною (Мф. 17:24).

Возьми крест свой, – говорит Иисус Христос. Ведь не сказал Он: создай, сооруди себе крест. Христос также не избирал и не сооружал Себе Креста, не увеличивал тяжести его, а добровольно принял тот, который Ему был предопределен Отцом Небесным.

Но какие это кресты, которые посылаются или даются христианам? Похожи ли они на Крест Христов? Нет, заслугами Христа эти кресты были видоизменены, облегчены, уменьшены. Они теперь внутренние... Не потому ли их забывают, сбрасывают с себя, даже не видят и не замечают многие христиане? Или они так срослись с телом нашим, что некоторые и не чувствуют их?

Посмотрите, сколько есть, по-видимому, счастливых, беспечных, увлеченных земными радостями, молодостью, красотою, богатством или своими страстями, самодовольством! Где их кресты? Понятно, что многие сомневаются после этого в необходимости нести свой крест, когда возможно и не брать его вовсе. Но не самообман ли это?

Внутренний крест, сросшийся с телом, нельзя не взять, не нести, а можно только закрыть, спрятать от глаз своих и человеческих.

Всякий грех – уже внутренний крест, он недолго услаждает, а весьма скоро порождает скорби, страдания, испытания, которые поневоле переносят и молодые, и старые, и красивые, и богатые.

Равнодушные мучаются от своего равнодушия, гордые терзаются самомнением, богатые страдают от сребролюбия, славолюбцы – от унижения. Грехи разоряют, лишают здоровья, уничтожают дарования, наполняют сердце унынием, тоскою, отчаянием. Все это кресты, и без них, как без врачебных мер, немыслимо излечить болящих душевно, сердечно и духовно.

Есть только более видимые кресты для человеческих глаз как многосемейность, бедность, одиночество, вдовство, потеря любимого человека, и менее видимые, как сердечные испытания, умственные болезни, нервные страдания.

Духовные болезни, естественно, могут быть вылечены только духовными средствами.

Так, надо понести крест унижения, чтобы сделаться смиренным.

Крест беспомощности и человеческого равнодушия – чтобы ощутить милосердие и всепрощение Божие и возлюбить Христа до желания идти за Ним.

Крест своеволия – чтобы охотно отдаться благой воле Господней.

Крест разочарования в светской жизни – чтобы ожить для Господа.

Крест собственной греховности и нечистоты – чтобы истинно покаяться и решить победить в себе греховность слезною молитвою ко Христу и Богоматери.

Крест пленения злым духом – чтобы возжаждать Божественной благодати и, испытав на себе непреложность каждого слова Евангелия, уразуметь учение Христа.

Крест борьбы, страдания, терпения и искушения – чтобы сделаться сознательным христианином, праведным человеком, способным на подвиги, и полезным наставником для других.

Иначе нельзя уразуметь истины, приобрести духовное зрение, оказаться на пути Христовом, познать правду Божию, уверовать в будущую жизнь и, главное, понять беспредельную, несравненную, животворную, животворящую любовь Божию и воодушевиться познанием истины до решимости ответить Христу: «Иду за Тобой, милосердный Господи, хочу спастись!»

Священномученик Серафим (Чичагов)